

Литературные
памятники
в иллюстрациях



БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5
Д19

Данте Алигьери.

Д19 Божественная комедия / Данте Алигьери; [перевод с итальянского Д. Мина];
иллюстрации Гюстава Доре. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-17-161993-0 (Серия «Литературные памятники в иллюстрациях»)

ISBN 978-5-17-163624-1 (Серия «Литературные памятники в иллюстрациях.
Подарочное»)

«Божественная комедия» — последнее произведение итальянского поэта Данте Алигьери, являющееся одним из величайших эпических произведений мировой литературы, в котором нашли отражение средневековые представления о науке, политике, философии и морали.

В этом издании собраны самые яркие фрагменты произведения в переводе Дмитрия Мина, а иллюстрации, созданные Гюставом Доре, помогут читателю еще глубже погрузиться в мир страданий и спасения, описанный Данте.

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5

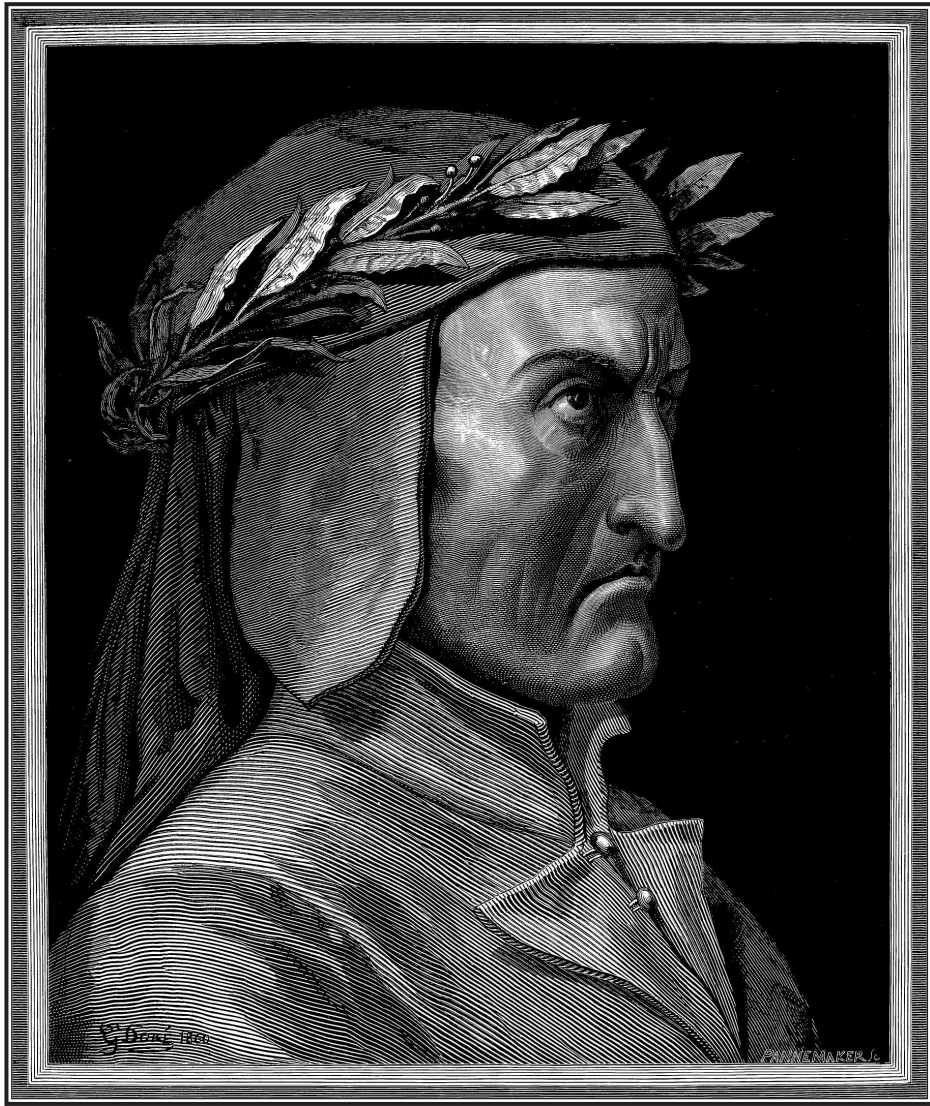
ISBN 978-5-17-161993-0

(Серия «Литературные памятники в иллюстрациях»)

ISBN 978-5-17-163624-1

(Серия «Литературные памятники в иллюстрациях. Подарочное»)

© ООО «Издательство АСТ», 2024



Данте Алигъери
(1265–1321)



АД



ПЕСНЬ I

Темный лес. — Холм. — Три зверя. — Вергилий. — Борзый Пес.

В середине нашей жизненной дороги,
Объятый сном, я в темный лес вступил,
Путь истинный утратив в час тревоги.

Ах! тяжело сказать, как страшен был
Сей лес, столь дикий, столь густой и лютой,
Что в мыслях он мой страх возобновил.

И смерть лишь малым горше этой смуты!
Но чтоб сказать о благодати небес,
Все расскажу, что видел в те минуты.

И сам не знаю, как вошел я в лес:
В такой глубокий сон я погрузился
В тот миг, когда путь истинный исчез.

Когда ж вблизи холма я пробудился,
Где той юдоли положен предел,
В которой ужас в сердце мне вселился, —

Я, вверх взглянув, главу холма узрел
В лучах планеты, что прямой дорогой
Ведет людей к свершенью добрых дел.

Тогда на время смолк мой страх, так много
Над морем сердца бушевавший в ночь,
Что протекла с толикою тревогой.

И как успевший бурю превозмочь,
Ступив чуть дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей не сводит прочь:

Так я, в душе еще со страхом споря,
Взглянул назад и взор впери́л туда,
Где из живых никто не шел без горя.





И отдохнув в пустыне от труда,
Я вновь пошел, и мой оплот опорный
В ноге, стоящей ниже, был всегда.

И вот, почти в начале крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барс и легкий и проворный.

Животное не убегало с глаз;
Но до того мне путь мой преграждало,
Что вниз сбегать я помышлял не раз.

Уж день светал и солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в миг, когда оно
Вдруг от любви божественной прияло

Свой первый ход, красой озарено;
И все надеждою тогда мне льстило:
Животного роскошное руно,

Час утренний и юное светило.
Но снова страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев, представший с гордой силой.

Он на меня, казалось, выходил,
Голодный, злой, с главою величавой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил.

Он шел с Волчицей, тощей и лукавой,
Что, в худобе полна желаний всех,
Для многих в жизни сей была отравой.

Она являла столько мне помех,
Что, уstraшен наружностью суровой,
Терял надежду я взойти на верх.





И как скупец, копить всегда готовый,
Когда придет утраты страшный час,
Грустит и плачет с каждой мыслью новой:

Так зверь во мне спокойствие потряс,
И, идя мне на встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где солнца луч угас.

Пока стремглав я падал в мрак ужасный,
Глазам моим предстал неожиданный друг,
От долгого молчания безгласный.

«Помилуй ты меня! — вскричал я вдруг,
Когда узрел его в пустынном поле, —
О кто б ты ни был: человек, иль дух?»

И он: «Я дух, не человек я боле;
Родителей ломбардцев я имел,
Но в Мантуе рожденных в бедной доле.

Sub Julio я поздно свет узрел
И в Риме жил в век Августов счастливый;
Во дни богов в лжеверьи я коснел.

Я был поэт, и мной воспет правдивый
Анхизов сын, воздвигший новый град,
Когда сожжен был Илион кичливый.

Но ты зачем бежишь в сей мрак назад?
Что не спешишь на радостные горы,
К началу и причине всех отрад?»





«О, ты ль Вергилий, тот поток, который
Рекой широкой катит волны слов? —
Я отвечал, склонив стыдливо взоры. —

О дивный свет, о честь других певцов!
Будь благ ко мне за долгое ученье
И за любовь к красе твоих стихов.

Ты автор мой, наставник в песнопенье;
Ты был один, у коего я взял
Прекрасный стиль, снискавший мне хваленье

Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал...
Спаси меня, о мудрый, в сей долине
Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал».

«Держать ты должен путь иной отныне, —
Он отвечал, увидя скорбь мою, —
Коль умереть не хочешь здесь в пустыне.

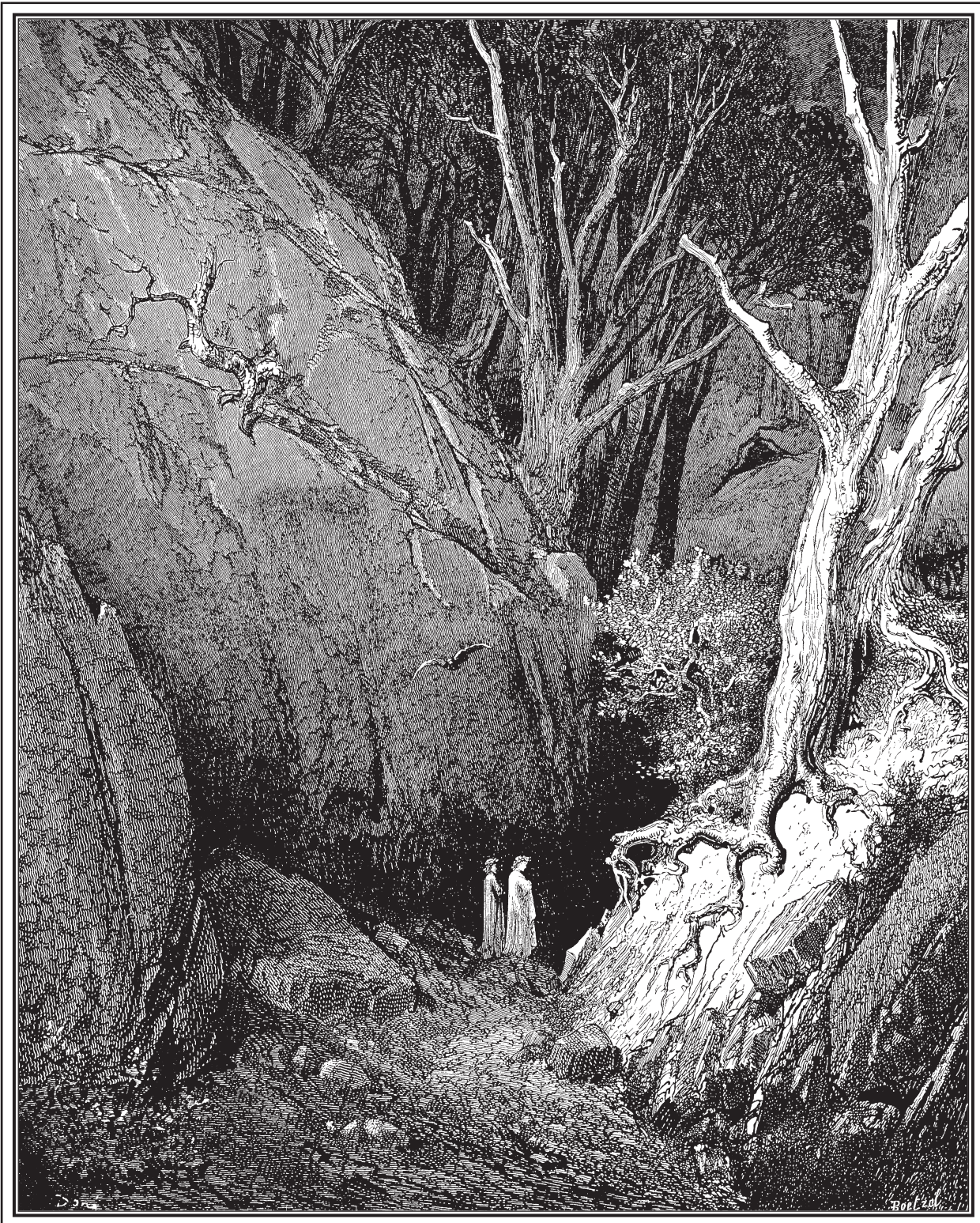
Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,
В пути своем других не пропускает,
Но, путь пресекши, губит всех в бою.

И свойством он столь вредным обладает,
Что, в алчности ничем не утолен,
Вслед за едой еще сильнее алкает.

Он с множеством животных сопряжен,
И с многими еще совокупится;
Но близок Пес, пред кем издохнет он.

Не медь с землей Псу в пищу обратится,
Но добродетель, мудрость и любовь;
Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится.





Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь ее не заключит в аду,
Откуда зависть в мир ее пустила.

Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною; в область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонм древних душ увидишь в той стране,
Вотще зовущих смерть себе вторую.

Узришь и тех, которые в огне
Живут надеждою, что к эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и они.

Но в эмпиреи я ввести тебя не смею:
Там есть душа достойнее стократ;
Я, разлучась, тебя оставлю с нею.

Зане Монарх, чью власть как супостат
Я не познал, мне ныне воспрещает
Ввести тебя в Его священный град.

Он Царь везде, но там Он управляет:
Там град Его и неприступный свет;
О счастлив тот, кто в град Его вступает!»

И я: «Молю я сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его ж ты не прославил, —
Да избегу и сих и горших бед, —

Веди в тот край, куда ты путь направил:
И вознесусь к вратам Петра святым,
И тех узрю, чью скорбь ты мне представил».

Здесь он пошел, и я вослед за ним.

